

АЛЕКСАНДР ЛЕПЕХИН

ТРОПА ДО ЗВЕЗД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л48

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Звездная авантюра»

Оформление обложки — *Василий Половцев*

Лепехин, Александр.

Л48 Тропа до звезд : [фантастический роман] / Александр Лепехин. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Звездная авантюра).

ISBN 978-5-17-156794-1

Если тебе выпало родиться лодманом — человеком, который может усилием воли переносить космические корабли на сотни парсек, — то спокойной жизни не жди. Саймон Фишер, талантливый юный лодман, оказывается заложником в теракте на борту звездолета и внезапно для себя окунается в пучину огромного заговора. Ему предстоит выяснить, кто хочет разрушить космическую транспортную сеть и попытается подставить лодманские Семьи. И не все в этом расследовании будет таким, каким выглядит на первый взгляд, начиная с напавшей на Саймона рыжеволосой зеленоглазой «террористки».

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156794-1

© Лепехин А., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
<i>Часть 1. Камень</i>	13
<i>Часть 2. Песок</i>	131
<i>Часть 3. Земля</i>	251
Эпилог.....	312

ПРОЛОГ

— **Л**оцман, на мостик. Лоцман, на мостик, готовность полчаса!

Саймон приближался к месту своего назначения. Коридор почти незаметно изгибался, следуя обводам старборда, потолочные панели светили мягко и без теней. Коммуникации за декоративными, покрытыми пост-кельтским орнаментом панелями неявно шуршали потоками фотонов. Все было как всегда: обыденность рабочей вахты.

В принципе, Саймон мог не торопиться: корабль бы никуда не делся. Особенно без него. Но Профсоюзные наставники и кураторы настоятельно рекомендовали стараться «не обострять» и «не заноситься». Он, собственно, старался. Получалось не ахти.

«Характер — как вещь в себе: уж если он есть, то в рукав его, словно пятого туза, не спрячешь». Эту шуточку регулярно выдавал Чжао Лян, одногруппник Саймона по учебке. Правда, совершенно непонятно было, где он ее подцепил — последние лет сто бумажные или пластиковые карты вживую можно было увидеть разве что в музее, где-нибудь в Петергофе или Берлине. Лян же вообще родился на Сириусе-Б-Четыре, а на Земле впервые оказался после зачисления на курс. Строго говоря, коренным землянином в группе был один Саймон. Все остальные «понаехали», точнее, «поналетели».

И в самом деле, характер господина коренного землянина, гордости курса и вся Академии — ну, как минимум

последних пяти выпусков, — был далеко не сахарным. А также не медовым и не карамельным. Предположения по этому поводу высказывались разные.

Одни, поправляя декоративные очки, упирали на то, что лоцман — в принципе профессия специфическая, требующая вполне определенных умственных усилий, а человек думающий не может не ощущать себя в известной мере выше вот этого вот всего. Другие же ссылались на статистику, помахивая старомодными распечатками выборов и корреляций, мол, генотип лоцмана сам по себе обуславливает ряд особенностей эмоционального и личностного толка. Споры кипели, как орбитальный трафик в час пик, и утихать не собирались.

Как-то, веселья ради, Лян залез на стол с ногами и зачел однокурсникам ряд выдержек из статей, мусоливших обе версии. Саймон в дискуссии не участвовал, демонстративно отсев и отвернувшись. Учитывая, что сам оратор обладал широчайшей душой и был в доску свой парень, в его случае авторы и их источники крепко обмишурились. А вот с землянина — хоть портрет пиши: лоцман типовой, *vulgaris**, в привычном состоянии духа.

Ну а чего вы хотели от человека, у которого минимум шесть официальных лоцманских поколений в генеалогическом древе и половина лоцманских же Семей в той или иной степени родства? «Лоцман, лоцман, лоцман», — жужжали в уши с детства. Саймон был готов проклясть Абрахама Фишера, своего знаменитого предка, с легкой руки которого журналисты и подхватили это липкое словечко. Как тот сказал тогда: «Я тот, кто провел судно по безопасному маршруту. Получается, что я лоцман?» По всему выходило, что шуточки и шутники дотянулись до Саймона еще до его рождения.

Утешало одно: он действительно был лучшим.

* Обычный (*лат.*).

Тот же Чжао Лян, несмотря на высокие ожидания своего куратора, не осилил на выпускном экзамене больше десяти парсек. Ну, десять *с квантами*, но это уже мелочи. Просьбу о передаче удовлетворили — явно под давлением все того же куратора, какого-то дальнего родственника Адамски-Фишеров, из побочной ветви. Сам Лян краснел, бледнел, забывал про свой обычный юморок и заявлял, что он, собственно, не претендует. На повторной аттестации выдал тот же результат — и от него отступились.

«Ну что, тихоходы нам тоже нужны», — сказал ему тогда Саймон и хлопнул по плечу. Он спиной чувствовал взгляд одногруппника, пока шел по коридору к своим. К Семье. К отцу, к матери, к многочисленным братьям, сестрам, дядьям, теткам и кузенам. К прямым потомкам «того самого» Фишера, безо всяких ветвей. Потому что если ты Фишер — ты всегда показываешь высший класс. А остальные пусть себе мелко плавают.

Нет, ну серьезно. Пятьдесят парсек — и это в неудачный день. Прямо скажем, на экзамене Саймон даже не вспотел. Он был слегка похмелен, это факт, — выдалась на редкость загульная ночь, и у него побаливала голова. Галстук, скатанный в компактный и крайне дорогой рулон, кокетливо выглядывал из кармана слегка помятого и тоже крайне дорогого клубного пиджака. Приходилось носить этот атавизм, вместе с непрактичными светлыми брюками и мокасинами от Tod's*. Никаких тебе гидрозакщитных и адаптивных тканей, только натуральные хлопок и шерсть — именно потому на брюках красовалось слегка замытое, но отчетливое пятно. То ли Glenlivet, то ли Laphroaig**, помнилось смутно. Встрепанные темные волосы, породистый профиль, ярко-синие, «фишеровские»

* Tod's S.p.A. (также Tod's Group) — итальянский бренд одежды, обуви и других изделий из кожи класса люкс.

** Glenlivet, Laphroaig — марки шотландского односолодового виски.

глаза — характерные для всех прямых потомков. И фирменное же фишеровское нахальство.

Да, господу «комиссия», он готов к экзамену. Нет, никакого недоумения. Нет, не стоит переназначать. Да, действительно, на самом деле готов — он что, настолько невинно изъясняется? Возможно-возможно, это бывает с недосыпа. Конечно же, практиковался всю ночь, неужели не заметно?

Кому-то другому подобное поведение с рук не спустили бы. Потомственному Фишеру прощалось буквально все. Втайне Саймон планировал разозлить кого-нибудь из комиссии, вывести из себя, чтобы ему указали на дверь — а еще лучше на шлюз. Просто чтобы отец не выглядел таким самодовольным, ожидая его в коридоре. И чтобы Лян не расстраивался. И чтобы ребята не шептались за спиной. Но в итоге он «взял полтинник», не особо напрягаясь, а потом, на волне внезапного приступа гордости, выдал пассаж про тихоходов... И больше они с Ляном не разговаривали.

Саймон отогнал воспоминания. Почему-то они накатывали каждый раз именно тогда, когда по корабельной связи объявляли «на мостик». В принципе, никакой необходимости в этом не имелось — судовой ИИ рассылал уведомления на личные смарты и вообще был большим умницей. Но пустотники уважали традиции. Даже такие странные, как брюки, пиджак и галстук.

Впрочем, сейчас эти элементы туалета остались аккуратно сложенными и убранными в багаж. Во время работы предписывалось носить удобный, хоть и слегка безликий комбинезон. Безликость была относительной — любой желающий мог уяснить, что перед ним не механик и не бортипроводник, обратив внимание на шеврон. Особо «одаренные», в жизни не видевшие лоцманской «звездной тропы» — профессионального знака Профсоюза, — отправлялись по известному адресу, в смысле в сетевые энциклопедии.

На подходе к мостику дежурно торчал космопех. Саймон невольно ухмыльнулся: словечко звучало так же по-дурацки, как и «лоцман», но так же неизбежно прижилось. Правда, выходило непонятно, от кого эти бравые парни, закованные в легкие пехотные оборонительные комплексы, должны были, собственно, оборонять. Легендарных Чужих в обитаемом космосе не нашлось и не предвиделось; беспорядки, возникавшие на тех или иных колониях, не выплескивались за пределы гравитационных колодцев, а пираты... Если на корабле наличествовал лоцман — ему не страшны были никакие пираты. По крайней мере, так показывал весь имеющийся у человечества опыт.

Когда Саймон, делая страшно деловой вид, прошагал к трапдору, космопех отдал честь резким, механическим движением. Впрочем, он и выглядел в своей броне словно андроид. «Хорошо, что не додумались тяжелых “Голиафов” на пассажирские суда ставить, — подумалось ехидно. — Такой бы точно весь коридор занял».

Гермодверь мягко щелкнула за спиной, и наконец мостик оказался достигнут. Капитан, крепкий опытный флотский в возрасте около сорока, щеголявший густыми шпешничными усами, уже полусидел в своем ложементе, обозревая с нейромаски отчет по работе систем корабля. Физиономия у него была кислая.

— Машинное! Чиф, ну что там у тебя?

Саймон подключился к капитанскому каналу — маленькие привилегии лоцмана. Впрочем, виду не подавал: не имело никакого смысла ссориться с «хозяином» судна. Пока что. Слушая объяснения старшего механика, он прошел к своему *загону*.

— Полпроцента мощности как корова языком слизнула, кэп. Ума не приложу...

— Нам эти полпроцента погоду делают? Вообще, когда ты последний раз видел живую корову?

— Обижаете, кэп, в прошлые выходные внуков в зоопарк водил. Ну, ежели вы скажете, так я и дам добро. Однако по прибытии надо бы задоковать: полпроцента туда, полпроцента сюда...

— Добро даю, заявку скинешь мне на подпись. Гони зеленый, у меня сейчас лоцман звереть начнет, а бизнес-класс устроит бунт.

— Еще ж пятнадцать минут до готовности. Ну лады, лады, ставлю «годно».

Капитан пошевелил пальцами, приняв подтверждение от машинного отделения, а затем, сдвинув маску, обратился к Саймону:

— Лоцман, приветствую на мостике. Пост ваш.

Тот важно кивнул:

— Лоцман пост принял. Звереть не собираюсь. Обещаю.

Капитан на мгновение замялся, но сделал вид, что толстого намека не уловил. Вместо замечания об этичности подслушивания переговоров с командой он вернулся в сеть и продолжил опрос служб:

— Жизнеобеспечение?

— Подтверждаю.

— Медотсек?

— Готов.

— Оборона?

— В режиме.

— Стюарды?

— Секунду... Готовы.

— Стюарды, проблемы?

— Никаких, подтверждаю. Полностью готовы к обслуживанию пассажиров.

— Принято. Ну что же, — теперь капитан снова обратился к Саймону, подчеркнуто деловито и нейтральным тоном, — мы на стабильном курсе, вектор по касательной, скорости выравнены. Дело за вами.

Лоцман был единственным членом экипажа, который не пользовался ложементом. Строго говоря, он и не являлся одним из корабельных служащих: Профсоюз договаривался с владельцами линий, и назначения на конкретный рейс согласовывали вне обычных флотских расписаний. Да и ложементы оставались скорее такой же данью традиции, как и галстуки с пиджаками, и присутствие военных на борту. Но только лоцману требовалась полная свобода действий и движений, которую, как ни парадоксально с таким названием, ему обеспечивал *загон*.

Выглядело это как невысокий, в десяток сантиметров, круглый пьедестал. Саймон прошел на середину, подключился — и тут же воспарил над полом. Силовое поле мягко обхватило его и приняло в самые нежные во Вселенной объятия. И самые надежные: что бы ни произошло с кораблем, лоцман остался бы жив. Слишком уж он был ценен, слишком уж редок, слишком дорог. Для всего человечества.

— Приступаю через пять, — предупредил Саймон.

И капитан продублировал по общей связи:

— Господа пассажиры, через пять минут мы переместимся в систему нашего назначения. Капитан и команда желают вам приятного *перехода*.

Фраза тоже являлась чистой формальностью. Просто корабль вместо «тут» оказывался «там», в одно мгновение, без каких-либо внешних эффектов; *переход* не ощущал никто. Никто — кроме лоцмана.

Потому что именно лоцман и был *переходом*.

Вы когда-нибудь пробовали поднять космический корабль? Да, вот так, при полном g^* , а то и более, — поднять на собственных руках, взвалить на себя и не отпускать ту долгую, бесконечную секунду, пока мир вокруг сворачи-

* Ускорение свободного падения на поверхности Земли. Среднее значение — $9,8 \text{ м/с}^2$.

вается в игольное ушко, в субатомную горошину, а потом разворачивается обратно целиком. И при том вроде бы понимаешь, что все ощущения строго субъективны, что происходит это сугубо в твоей голове, что на деле ты просто висешь в коконе силового поля и работаешь исключительно «силой духа», «верхней чакрой», «движениями анимы» — в общем, какие там еще были у яйцеголовых версии по «феномену лоцманов»? Но все же впечатления были непередаваемыми.

Поэтому, когда пять минут истекли и прозвучал предупреждающий сигнал, Саймон затейливо выматерился, поплевал на ладони...

И поволок.

ЧАСТЬ 1
КАМЕНЬ

ГЛАВА 1

Сам по себе транспорт серии «Нарвал» не являлся космическим аналогом древних океанских кораблей. В том смысле, что у него не было объемистых трюмов или многочисленных пассажирских кают. Нет, у экипажа имелись свои жилые площади — порой приходилось в прямом смысле дневать и ночевать на работе. Проще выходило перекантоваться в казенном уюте каюты или кубрика, чем гонять в гравитационный колодец или до терминала штатный челнок.

Больше всего корабль напоминал рыбий скелет. Вот крупная, вытянутая «голова» кабины, вот «хребет» с консолями-«ребрами» и закрепленным сверху «плавником» энергетической установки, вот «хвост» с развернутым оперением сенсорных мачт. Поднимающиеся с планеты лихтеры с грузом и пассажирами облепляли остов, фиксируясь на консолях и словно создавая «плоть» этой межзвездной «рыбы». Которая в отличие от них никогда не смогла бы нырнуть в глубины атмосферы и дотянуться до «дна» — до поверхности планеты.

Саймону порой вспоминалась та пара месяцев, которую он провел на лодке дяди Анджея. Тот в свое время, после очередной размовки с ныне уже покойным дедом, послал всю родню *на дальний вектор*, отказался от прав, привилегий и доли в Семье, получил полагающуюся по Укладу Семей компенсаторную пенсию и купил себе яхту. Морскую, как в старину. И уплыл на ней куда-то в сторону

Фиджи. Ловить рыбу, загорать на палубе и перевозить всякую мелочовку между островами.

Дядя Анджей обладал широтой взглядов и не хотел детей. Естественно, это вызывало трения. Настоящий Фишер обязан хоть тушкой, хоть чучелком, но произвести на свет потомство, и желательно побольше. Талант лоцмана не манифестировал себя в брате будущего главы Семьи, но это не имело значения. Неуловимый ген, отвечающий за способность *чувствовать* пространство, улавливать колебания массы и в мгновение ока переноситься, делать *шаг* по звездной тропе из одной точки галактики в другую — он мог проявиться и через поколение, и даже через два. Кровь лоцманов оставалась драгоценностью. *Дар* оказался редок, научными методами принципиально невозпроизводим, и между человечеством и иными мирами всегда маячил призрак молчаливой, устрашающе одинокой пропасти. Поэтому Анджея осуждали.

У дяди Анджея имелось множество друзей. Ни разу никто из них не допустил в сторону Саймона каких-либо пугочек или намеков. Ни разу не упоминалось о том, что молодой человек мог бы пересмотреть свои взгляды на жизнь. Самому будущему курсанту стукнуло на тот момент лет пятнадцать, и вкусы его, как ему тогда казалось, уже вполне сформировались. Казалось, конечно, ошибочно, но общая тенденция просвечивала ясно: в будущем Саймон вполне мог стать новым «племенным жеребцом» Семьи. Когда подобные безрадостные мысли накатывали на подростка, дядя Анджей молча вручал ему гарпун — и они плыли куда-нибудь за риф, ловить массивных тунцов и проворных марлинов.

Именно на марлина походил космический корабль при взгляде со стороны. В момент *перехода* лоцман всегда как бы покидал свое тело и видел происходящее в комплексе. У каждого это происходило по-своему, но в одном сходились все: ты словно удерживал здоровенную, неудобную